

ДИНАМИКА МОДУСОВ В НАРРАТИВЕ

N.K. Danilova

Staatliche Universität Samara

MODUSDYNAMIK DER NARRATION

Im Beitrag wird die Ereignisstruktur des Narrativs beschrieben, in der sich der Prozess der Sinnerzeugung reflektiert. Der Perspektivenwechsel erweist sich dabei als Regulationsverfahren des Prozesses der Sinnproduktion.

Развивающее тезис В. фон Гумбольдта современное представление о языковой деятельности как процессе, опосредованном языковым выражением, соотношенном с действием и выделяющим взаимосвязь повседневной практики и коммуникации, переносит акцент в лингвистическом анализе на функционирование языка как «живой системы», ориентируя на *агентивность, интенциональность, адаптивность* вербального поведения индивидуумов и взаимность коммуникации [11, с. 367–398].

Связь значения с актами интенции проявлена в том, что знаковая выступает как продукт речемыслительного, а следовательно, познавательного акта, закрепляющего постигнутое в форме языкового символа. Обусловленность структурных характеристик языка совокупностью факторов, восприятием, мышлением, устройством человеческого тела и сознания, позволяет говорить о существовании своего рода *инфраструктуры*, в которую входит язык и которая управляет *интеракциональным, совместным* использованием когнитивных способностей для достижения целей [6, с. 45].

Изменение направления лингвистического анализа, связанное с интересом к тому, как устроена подобная инфраструктура, предполагает выдвигание на передний план механизмов употребления языка с его особенностями, сформулированными Р. Якобсоном как

логические связи и отношение отбора [12]. Оба процесса определяют интенциональное вербальное поведение индивидуумов.

Определяющее языковые действия качество *интенциональности*, характеризующее их как целенаправленные, творческие и обусловленные способами ориентирования и регулирования, и их интерактивность (принадлежность к совокупности не-языковых действий) отражает возможности взаимодействия индивидуумов в социуме. Интенциональность как данность мира сознанию и устремленность сознания на вещи предполагает активность познавательного процесса и его целостность. Представление об интенциональности как свойстве ментальных состояний и событий в их направленности на объекты и положения дел внешнего мира связывает это качество с языком [9, с. 99].

Лингвистическое понимание интенциональности ставит ее в зависимость от говорящего субъекта, выделяя характеристику «интенции» как намерения, получающего выражение в языковом действии. В этом прагматическом понимании интенциональности проявляет себя определенность процессов концептуализации и категоризации коммуникативными факторами и типами деятельности. Совместная рефлексивная деятельность субъектов в процессе общения предполагает существование закономерностей организации общения, в которых должна найти отражение обусловленность языковой деятельности *конвенциональными нормами* (свойственными контексту общения) и *концептуальными структурами*, в которые организовано знание участников общения, что связывает процесс познания с процессами общения [4, с. 29].

Исходя в своем дальнейшем рассуждении из представления об акте рассказывания как рефлексивном процессе, в начальном состоянии определенном активностью автора и направляемом авторской интенциональной программой, обратимся к нормам и структурам, свойственным акту повествования. Для нашего поиска существенно понимание того, что художественная коммуникация не является монологической по своей сути, это *интеракция* особого, рефлексивного свойства, названная Г.Г. Гадамером «коммуникацией внутри понимания» [2].

Свойственная литературной коммуникации ситуация общения представлена *процессом чтения-письма*, формирующим особую

«ситуацию контакта», в которой отношение кода и сообщения не является постоянным, но подвержено бесконечным изменениям и трансформациям. Общение в письменной коммуникации характеризуется несовпадением «прочитанного» значения с «высказанным» значением, что требует дискурса истолкователя, коммуникация превращается тем самым во встречу двух дискурсов, придающую особый смысл отношению «чтение – письмо», за которым Поль де Ман утверждает особый статус «деконструкции» (отрицания риторического модуса литературного текста) [7, с. 27].

Следующий тезис касается самого процесса взаимодействия реальных участников художественной коммуникации. Ситуация общения в литературной практике может рассматриваться как процесс «самофикционализации», т. е. выбора и настраивания реальных участников общения на одну из коммуникативных ролей [15, S. 111].

Процесс производства и восприятия текста нарратива образует непрерывный цикл перевода с кода создателя текста на код реципиента, диалитический процесс, в котором внутренняя диалогичность нарративной структуры вступает в определенные корреляции с внешней диалогичностью коммуникации. Структурный, равно как и постструктурный анализ, в отличие от нарратологии, приписывает качество «нарративности» не опосредующей инстанции изложения (нарратору), а структуре излагаемого материала и дискурсу, способному придавать разные измерения ситуации. Порождающим принципом повествования признается в этом случае не автор, а «сцепление дискурсов» [1; 8; 5]. В качестве определяющего для литературного смысла постструктурализм выделяет связь между субъектом и Другим, формирующую автора как означающее, а текст как диалог. Свойство диалогизма, подчеркивает Ю. Кристева, присуще глубинной структуре повествования и располагается не вне, а «внутри дискурса» [17, S. 373]. Субъект рассказа обращается через акт рассказывания к Другому и рассказанное структурируется с учетом этого отношения к Другому. Адресат в этом процессе обладает двойной соотнесенностью, являясь означающим по отношению к тексту и означаемым по отношению к субъекту рассказывания, это знаковое отношение создается только в процессе языковой деятельности.

Динамичное представление о ролях участников литературной коммуникации рождается из понимания нарративного смысла как

диалитической деятельности (Prozeß der Sinnproduktion) (речь идет не о готовых структурах, а о *механизме структуризации*, производящем «кванты смысла»). Коммуникативные роли получают в этом случае интерпретацию как явления, связанные с моментом возникновения сообщения «из отношения к другой структуре» в процессе, в котором поэтическое слово в горизонтальном измерении принадлежит субъекту письма, а в вертикальном относится к предшествующим и современным ему текстам. Благодаря этому сообщение приобретает статус «диалога» различных видов письма, адресанта и адресата, предшествующего и актуального контекстов.

Моделирование в тексте «ситуации общения», являющейся посредником между миром фантазии и социальным контекстом, образует основной прием включения нарратива в дискурсивный универсум. Объединяющий психологический и лингвистический подходы конверсационный анализ рассматривает «ситуацию рассказывания» как модель интеракции, использование которой предполагает наличие дискурсивной компетенции. Предлагаемая конверсационным анализом интерпретация процесса «рассказывания» основана на признании факта существования глобальных образцов языковой реализации, свойственных устной «ситуации рассказывания» (narrative Interaktionsmuster), благодаря которым возможно «включение» рассказа в процесс общения (konversionelle Einbettung von Erzählungen). Представление о структурном концепте литературной коммуникации как о надиндивидуальной структуре, не принадлежащей ни одному из участников, позволяет выделить качества процессуальности, секвенциальности, интерактивности и контекстуальности, присущие ей как «форме вербальной активности», которая свойственна субъектам в определенном контексте общения, позволяющем им по очереди присваивать себе роли говорящего и слушающего [Quasthoff2001:1299]. Сформулированные конверсационным анализом категории реализуются с помощью языковых средств, обеспечивающих протекание процесса смыслообразования, для которого существенно установление контакта между участниками общения (интерактивный режим) и способствующее более точному пониманию выделение относительно самостоятельных фрагментов смысла (секвенций).

Выделенные разговорным анализом конвенциональные нормы могут быть дополнены изучением концептуальных структур, управляющих рефлексивной интеракцией. Главным инструментом в этом процессе становится, по нашему мнению, *операциональность* и *полифункциональность* языкового значения, уникальные качества языковой семантики, служащие целям создания структурного единства речевого целого. Речь идет о явлении, достаточно известном науке о языке, но получающем расширенную интерпретацию в ходе исследования дискурсивного процесса, целью которого является порождение смысла. В отличие от конвенциональных норм концептуальные структуры могут быть определены и описаны в ходе исследования межуровневых связей между структурами речевого целого, что предполагает существование языковых механизмов, действующих *внутри дискурса*.

Современная зарубежная прагматика выделяет главным образом три основных уровня организации текста: пропозициональный, иллокутивный и собственно *прагматический*, или *интенциональный*. В разнообразии структур, «активном комплексе» К. Байера [13], интенциональной или информационной структурах Х. Изенберга и Г. Вайнриха [16; 19], уровне секвенцирования М. Брандт и И. Розенгрэн [14] находят отражение факты системной организации деятельности индивидуумов в коммуникативных практиках. Системность дискурса отличается от системности текста объемом и характером отношений детерминации.

Несмотря на различие существующих подходов, общим для всех моментов является признание существования особого уровня организации, в котором находит отражение *стратегическая деятельность* коммуникативных субъектов. Интерактивные теории, ориентированные на языковое поведение участников общения и на их комплексное коммуникативное взаимодействие, демонстрируют, в отличие от модулярных теорий, способность служить теоретической базой для разработки процедурных моделей текста, объясняющих, каким образом участники общения, используя определенные когнитивные и языковые процедуры и исходя из данных собственного опыта, организуют совместное коммуникативное действие.

Понятие «структура» представляется не совсем пригодным для описания отношений детерминации, динамике дискурсивных про-

цессов, как представляется, более отвечает понятие «матрицы». Конструктивность этого понятия для отражения процессуальных явлений оправдана его применимостью для описания действий, реализуемых членами человеческого сообщества в соответствии с определенными схемами, кроме того, строение «матрицы» допускает ее широкое использование любым участником диалога. В «матрице» находит отражение свойственное дискурсивным процессам сочетание постоянства форм и изменчивости их семантики. *Прагматическая матрица* выделяет структуру действия, свойственную коммуникативным практикам, и содержит нормативные и факультативные ячейки для функций и коррелятивные классы переменных [Шмидт1978:100].

Каждой дискурсивной практике соответствует своя «матрица», строение которой определено социальной ситуацией вербальной интеракции. В литературной коммуникации пространством «матрицы» становится повествовательный дискурс, или акт рассказывания, в котором в качестве нормативной «ячейки» выступает субъект высказывания, а в качестве основного коррелятивного класса переменных используется эгоцентрический местоименный субъект Я (система ориентации субъекта). Субъект высказывания, представляя собой нормативную ячейку для функции, способствует осуществлению операции, которую Ю. Кристева характеризует как «переход дискурса в текст» и «переход текста в дискурс».

Матричное строение позволяет использовать разнообразные возможности для изменения модусной рамки изложения, так как местоименный субъект, занимая позицию агенса в пропозициональной структуре высказывания, способен одновременно выполнять функцию субъекта говорения в иллокутивной структуре и функцию субъекта восприятия или субъекта рефлексии в собственно прагматической, или интенциональной структуре высказывания. Способность быть в одно и то же время локутивным, иллокутивным и прагматическим субъектом дает возможность этому «пустому», по выражению Э. Бенвениста, знаку выступать в качестве общего звена всех уровней и одновременно становиться маркером смены коммуникативно-познавательной установки, как это происходит, например, в последовательности высказываний в рассказе Г. Гессе «Bauernhaus».

В целях анализа мы разделим последовательность высказываний в рассказе на ряд секвенций, положив в основу их выделения модусную рамку, объединяющую ряд высказываний. Говоря о модусе, мы имеем в виду коммуникативно-познавательную установку изложения, выделяя в группе когнитивных установок рефлексивную и перцептивную, а в группе коммуникативных установок установку говорящего субъекта, наблюдателя и установку реципиента [Данилова 2005:14]. Реализации установок служит целый ряд грамматических и лексических категорий, участвующих в процессе синтеза художественного смысла и в структурировании художественного сообщения.

Секвенции рассказа Г. Гессе «Bauernhaus» следуют друг за другом, демонстрируя сложное взаимодействие различных уровней организации, изменение касается не только положения дел, но и способа их представления, о чем свидетельствует смена коммуникативно-познавательных установок, или, в нашей терминологии, прагматической матрицы изложения.

В спокойное нарративное течение исходной секвенции «Bei diesem Hause nehme ich Abschied... Denn ich nähere mich dem Alpenpaß, und hier nimmt die nördliche, deutsche Bausart ein Ende, samt deutscher Landschaft und deutscher Sprache» [S. 9], в которой прагматическая матрица создается коммуникативной перспективой говорящего субъекта (ich) и когнитивной перспективой субъекта восприятия (hier nimmt die nördliche Bauart ein Ende), включена последовательность пропозиций, описывающая воспринимаемый сознанием рассказчика ландшафт. Доминирование перцептивного начала в моделируемой сцене подчеркнуто настоящим временем и сочинительной связью, функциональное доминирование перцептивной интенциональной и персональной иллокутивной структур подчеркнуто преимущественно пространственной ориентацией создаваемой модели действительности. Локутивный уровень организации с субъектом-деятелем (ich nähere mich) выступает в качестве фона изложения.

Контрастный переход к иной коммуникативно-познавательной установке обозначен эмфазой: «Wie schön ist es, solche Grenzen zu überschreiten!» Выбор матрицы, сформированной доминирующей рефлексивной перспективой, обеспечен сохранением коммуникативной перспективы говорящего субъекта, о чем свидетельствует сквозное использование личных местоимений: «Die Überwindung der

Seßhaftigkeit aber und die Berachtung der Grenzen machen Leute *meines Schlages* trotzdem zu den Wegweisern in die Zukunft». Выдвижение в локутивной структуре в позицию субъекта свернутых предикаций (Überwindung, Berachtung) со значением рефлексивных операций служит тем же целям.

Генерализированная форма рефлексии сменяется прагматической матрицей, в которой модус рефлексии обращен в будущее, превращается в модус воображения и приобретает персонализированный характер: «Morgens werde ich andere Dächer, andere Hütten lieben. Ich werde nicht, wie es in Liebesbriefen heißt, mein Herz hier zurücklassen..» [S. 10]. Персонализация достигается переносом акцента на деятеля, процедурой своего рода снижения категориального уровня субъекта.

Движение смыслов, их модуляция оказывается возможным благодаря смене перспектив, при этом допустимо изменение только на когнитивном уровне: «Ich wollte zwar ein Dichter sein, aber daneben doch auch ein Bürger. Ich wollte ein Künstler und Phantasiemensch sein, dabei auch Tugend haben und Heimat genießen» [S. 13]. Модус желания совмещен с модусом воспоминания, и эта сложная игра разрешается констатацией: «Lange hat es gedauert, bis ich wußte, daß man nicht beides sein und haben kann, daß ich Nomade bin und nicht Bauer, Sucher und nicht Bewahrer» [S. 11].

Существенным итогом проделанных наблюдений становится, по нашему мнению, понимание того обстоятельства, что процесс смыслопорождения может рассматриваться как движение модусов изложения в двух направлениях: в вертикальном, и в этом случае акцент переносится с локутивного уровня на иллокутивный или интенциональный, а также в горизонтальном, при этом существенна игра модусов когнитивного и коммуникативного планов. Изучение внутренних дискурсивных механизмов призвано ответить на целый ряд вопросов, касающихся функционирования языковых средств в различных коммуникативных практиках.

Библиографический список

1. Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика. Т. 2. Благовещенск: БГК им. Бодуэна де Куртенэ, 1998. С. 333–426.
2. Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991.
3. Данилова Н.К. Референционная динамика повествовательного дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2005.
4. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
5. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2000. С. 427–457.
6. Кубрякова Е.С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры. 2004.
7. П. де Ман. Аллегории чтения. Фигуральный язык Руссо, Ницше, Рильке и Пруста. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999
8. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Медиум, 1995.
9. Серль Дж. Р. Природа интенциональных состояний // Философия, логика, язык. М.: Прогресс, 1987. С. 96–126
10. Шмидт З.Й. «Текст» и «история» как базовые категории // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 89–108.
11. Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. М.: ШКП, 1997.
12. Якобсон Р.О. Избранные работы по лингвистике. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998.
13. Bayer K. Sprechen und Situation. Aspekte einer Theorie der sprachlichen Interaktion. 2.Auflage. Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1984. 190 s.
14. Brandt M., Rosengren, I. Zur Illokutionsstruktur von Texten // LiLi. Textlinguistik. Jahrgang 22/1992, Heft 86. Siegen: Vandenhoeck&Ruprecht. S. 9–51.

15. Harweg R. Präsupposition und Rekonstruktion. Zur Erzählsituation in Thomas Manns „Tristan“ aus textlinguistischer Sicht // Textgrammatik. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1975. S. 66–185.

16. Isenberg Horst. Einige Grundbegriffe für eine linguistische Texttheorie // Daniel F., Viehweger D. (eds). Probleme der Textgrammatik. Studia grammatica XI Berlin. 1976. S. 47–146.

17. Kristeva J. Bachtin, das Wort, der Dialog und der Roman // Literaturwissenschaft und Linguistik. Ergebnisse und Perspektiven, Band III, 1972. S. 345–375.

18. Quasthoff U.M. Erzählen als interaktive Gesprächsstruktur // Brinker K., Antos G., Heinemann W., Sager S. F. (eds). Text- und Gesprächslinguistik. HSK-Bd. 18.2 Berlin/New York, 2001. S. 1293–1308.

19. Weinrich H. Textgrammatik der deutschen Grammatik. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, 1993.

Источники фактического материала

1. Hesse Hermann. Wanderung. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1984.